

АНАТОЛИЙ АБРАШКИН

ОТКРОВЕНИЕ ИВАНА ВИНОГРАДОВА

О романе Владимира Чугунова “Провинциальный апокалипсис”

Скажут, сочиняю, намеренно сгущаю краски, и так на Россию половина мира взъелась, а тут ещё вы... Только посмотрел бы я, что бы вы сами запели, случись с вами такое.

В. Чугунов “Провинциальный апокалипсис”

Название нового романа Владимира Чугунова не может не заинтриговать. “Апокалипсис” (или “Откровение”) – это пророческая книга, венчающая Новый Завет. Она написана апостолом Иоанном Богословом и предмет её – брань змия-искусителя с Богом. “Провинциальный апокалипсис” также можно назвать битвой сил добра и зла. Рассказ о ней ведётся от лица священника Ивана Виноградова. Как и Иоанн Богослов, отец Иван обличает “любящих и делающих неправду” (Откровение 22: 16). Действие происходит в небольшом городке, отсюда и название “провинциальный”. Но городок этот – уменьшенная копия России. Пусть и невелика она по масштабам, но, изучая её, подчас проще разглядеть картину современности и назвать всё своими именами. К тому же, как и в новозаветном “Откровении”, в романе присутствует символическая составляющая, что сразу же переводит его в разряд книг, достойных прочтения “от корки до корки”.

На личном сайте Владимира Чугунова выставлено видео, где он анонсирует произведение. Оказывается, история Ивана Виноградова имеет реальную подоснову и непосредственно связана с семьёй автора романа. В книге обозначен и год происходящих событий – 2013-й. Так что это совсем недавняя история, и она, если хотите, представляет художественно оформленное свидетельство того, как отечественные реформаторы обустроили Россию в начале XXI века.

Начнём с сюжета. В одном из баров городка зверски избит сын сельского священника. Вместе с ним пострадали три его товарища, но их травмы не такие тяжёлые: писать заявления в полицию они не стали, а свидетельствовать из-за угроз отказались. У сына Виноградова – Алёши – перелом основания черепа, но местные эскулапы под разными предлогами отказываются документально признать этот диагноз. Настоящая видеозапись драки “таинственным образом” заменена новой, смонтированной так, что, отталкиваясь от неё, в организации драки обвиняется уже сам потерпевший. При этом и участковый, и майор полиции Куклин отговаривают священника от подачи заявления на том основании, что преступники (все они хорошо известны) избивали людей

уже неоднократно, но за ними неодолимая сила. По признанию Куклина, “90% бояться писать заявления, а 10% идут на примирение”. Проводя собственное расследование, отец Иван узнаёт, что в городке существует преступная группировка, которую возглавляют бывший прокурор и бывший начальник вневедомственной охраны. Виноградов предполагает, что причиной бездействия полиции служит сговор ее начальника Ястребова с преступниками. В связи с этим он пытается найти поддержку в областных ведомствах.

После нескончаемых мытарств семья Виноградовых добывается всё-таки проведения полноценного расследования и осуждения зачинщиков драки. Однако сколько неожиданного и непостижимого для рядового гражданина открывается при этом. У Ястребова обнаруживается покровитель в ГУВД. Заместитель начальника Главного следственного управления уверяет священника, что поддельная видеозапись и есть самая что ни на есть настоящая (притом, что у отца Ивана хранится уцелевшая подлинная), а нанятый священником за бешеные деньги адвокат Лавровичева откровенно защищает бандитов. Служители Фемиды настолько искренно изображают своё неведение, что не остаётся никакого сомнения в их продажности. А адвокатесса (так и хочется приписать: “дьявола”) при просмотре подлинного видео вообще заявляет отцу Ивану:

– Я уже по этому вижу, что тут ничего не добиться.
– Как? Почему?
– Если бы он (Алёша. – А. А.) стоял, опустив руки, а они его били, а он (видите?) пытается защищаться...”

Эта позиция защитника тем более нелепа, что другой адвокат, нанятый священником позже, выиграл судебный процесс. Добро, как кажется, победило, однако ни сам священник, ни члены его семьи не стали чувствовать себя более защищёнными. И вскоре бандиты нанесли ответный удар, избив теперь уже дочь священника Дашу и её мужа Игоря. А ещё какое-то время спустя их главарь Чика совершил убийство, которое местная полиция захотела переклассифицировать в несчастный случай. Но тут уж поднялась общественность городка. Даша выложила на специальный сайт петицию к президенту, и под ней подписалось 1280 человек. После этого колесо правосудия завертелось совсем по-другому: “Чикю тут же заключили под стражу, хотя до этого он находился под подпиской о невыезде. По всем делам стали вызывать в следственный отдел потерпевших, свидетелей. Следствие поручили вести сотрудникам следственного управления, то есть из областного центра. Ястребова вызвал на ковёр начальник ГУВД, генерал, и тот сразу слил своего зама. Приходившего к Игорю и Даше участкового в скором порядке по собственному желанию уволили из органов. Ястребову удалось усидеть в кресле. Но... Опять сработала круговая порука <...> И всё опять свели к простой бытовухе. Нету, мол, никакой ОПГ...”

Машина правосудия вновь забуксовала, и отец Иван совсем перестаёт верить в её действенность. В финале своего “Откровения” он вообще не склонен видеть в мире правосудия какие-либо светлые краски. Полиция, прокуратура и суд для него – это трёхглавое чудовище-змий, единственным смыслом жизни которого является измывательство над простыми людьми. К тому же новой жертвой полиции становится старший внук священника, девятиклассник Саша – сын Даши и Игоря. Тут уже неведение юноши, нарвавшего вместо польни букет дикой конопли, соединилось с желанием местной полиции отомстить семье священника. На основе подложной экспертизы на юношу заводится уголовное дело, и теперь отца Ивана ожидает новое судилище. Чем оно закончится, и закончится ли вообще, неясно, но Виноградовы будут “бороться и молиться” (этими словами заканчивается роман).

* * *

*Так на чём стоит Россия?
Ответ простой. Идея справедливости.*

В. Чугунов “Провинциальный апокалипсис”

Ошибётся тот, кто увидит в романе Чугунова лишь изложение криминальной драмы. Тема христианских ценностей, обретения и поддержания в себе сил с целью противостоять Злу пронизывает роман, скрепляет отдельные его части.

Тут самое время сказать о некоторых символических моментах, приоткрывающих замысел и позицию автора. Писатель не скрывает и неоднократно ранее признавался в особом пристрастии к творчеству Достоевского. Названия его романов “Мечтатель”, “Русские мальчики” напрямую перекликаются с творчеством Фёдора Михайловича. “Провинциальный апокалипсис” даёт основание утверждать, что и в своей писательской манере Чугунов ориентируется на приёмы и методы классика. Это и длинные, с обилием подробностей отступления, и внезапные перескоки в рассказе на что-то, казалось бы, более интересное. В романе четыре части и сорок две главы, но все они лишь обозначены номерами и не имеют названия. Автор как бы избегает упорядочения и систематизации содержания, пусть даже с помощью заголовков. Во второй, “лирической” части он вообще отвлекается от основной темы и, как бы импровизируя на ходу, рассказывает историю воцерковления и рукоположения отца Ивана. Такой метод изложения сродни организованному хаосу, и идёт он, конечно же, от Фёдора Михайловича. Причём, как и в его романах, если взглянуть на произведение в целом, все концы окажутся сведёнными воедино, а все повествовательные линии уложены в единую, продуманную и досконально выверенную смысловую картину.

Стоит указать также на идейную связь “Провинциального апокалипсиса” с “Бесами”. Другой сюжет, другое время и другие герои, но тот же разгул преступности в губернском городке, и всё те же разговоры о справедливости, предназначении России и Боге. Правда, в романе Чугунова есть важнейшая деталь, которую автор неоднократно подчёркивает и всячески отстаивает. Бандиты теперь находятся под защитой местных государственных структур — полиции и службы вневедомственной охраны. Группой бандитов, избивших Алёшу, руководил бывший полицейский Чекмырёв, который “открывает в полицию дверь ногой”. Он же организовал и нападение на Дашу с Игорем. В блатной среде бандиту дали кличку Чика. Чугунов предпочитает называть его исключительно по кличке, и она невольно заставляет вспомнить аббревиатуру организации, преследовавшей и уничтожавшей священнослужителей во времена большевизма. Подельники и подручные Чики — чикисты, — олицетворяют в романе зверя “Апокалипсиса”.

Потянем ещё одну, как нам представляется, главную “ниточку” из клубка ассоциаций, связанных с творчеством Достоевского. “Скажите, вам ничего не напоминает имя Алёша, — обращается Чугунов к читателю. — Ну, хотя бы это, например: “Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины?” Или это: “Алексей, Алёшенька, сыно. Словно сын её услышать мог”? Вспомнишь? <...> Я, когда впервые услышал эту песню, плакал <...>. А есть и по сильнее. Помните Алёшу Скворцова из фильма “Баллада о солдате”?” И далее писатель повествует о сцене встречи Алёши с матерью, и так проникновенно описывает её, что у читателя наворачиваются слёзы, потому что нет ничего крепче материнской любви. Сам автор после этого отступления переключается на своего Алёшу, Алёшу Виноградова, но механизм родовой памяти им уже запущен, и в череде художественных образов читатель должен вспомнить об Алёше Карамазове — чистом, светлом юноше, в образе которого Достоевский мечтал прозреть грядущее поколение русских людей — **русских мальчиков**, способных преобразить Россию. В “Провинциальном апокалипсисе” имя “Алёша” — кодовое, оно отсылает к заветной теме Достоевского, воспринятой и активно развиваемой в своём творчестве Чугуновым, теме русских мальчиков. В аннотации к роману “Русские мальчики” он признаётся: “Церковь, семья, Россия — основная тема книги, сфера интересов русских мальчиков, впервые выведенных Ф. М. Достоевским в романе “Братья Карамазовы”. Автор, будучи отцом многодетного семейства (девять детей), сам всецело относит себя к этой категории и считает, что русские мальчики неистребимы, как и волнующие их вопросы. Хотим мы или не хотим, но каждое поколение будет решать их по-своему, как и наше поколение тоже. И это очень важно, как свидетельство живого опыта в деле общественного служения, в деле воспитания детей, в плане личного спасения и в плане нашего участия в деле державного строительства России”.

Чугунов не даёт портрета Алёши Виноградова, ничего не говорит он и о его детстве и юношестве. Алёша — типичный русский мальчик, живущий в провин-

циальном городке. Всё, что происходит с ним, глубоко символично (повторимся, но это крайне важно: его история не выдумана!). Судьба Алёши — это, в том числе, отражение внутренней ситуации в стране. А она такова, что система потворствует преступникам, которые калечат и убивают русских мальчиков. В справке врача, осматривавшего Алёшу, записано: “Перелом основания черепа, ушиб головного мозга, кровоизлияние в мозг, перелом носа”. И невольно возникает вопрос: а не есть ли это диагноз состояния нашей Родины?.. Неожиданно? Или, может быть, вы не согласны с мыслью, вынесенной в эпиграф раздела?

* * *

Я понял не на словах, а на собственной шкуре, что Бог есть Отец с самой большой буквы.

В. Чугунов “Провинциальный апокалипсис”

Отец Иван не рассказывает в деталях о своих отношениях с сыном, но по обрывочным сведениям можно заключить, что они непростые. Так, отец неизменно называет сына Алёшка. Не Алёша, Алёшенька, как в песнях, о которых упоминается в романе, а Алёшка. Это отражение недовольства сыном, которое отец Иван хранит на бессознательном уровне. О причине можно с разной степенью уверенности гадать, но, похоже, она заключена в отношении сына к Церкви и Богу. Втайне от отца Алексей вместе с дедом Николаем (старшим Виноградовым) занимаются “разработкой собственных представлений о Боге, о мире, о человеке, соотнося это всё с современностью”.

Дед Николай — убеждённый коммунист, оставшийся верным партии и в постперестроечные времена. День Октябрьской революции для него по-прежнему остаётся великим праздником. Иван не поздравляет отца в этот день, а вот внук Алексей неизменно звонит и поздравляет деда. Иван принял сан священника в начале 90-х, и это стало ударом для отца. Встречаясь потом, они без усталости спорили, но до поры до времени только нагнетали напряжение в личных отношениях. Алексей в вопросе веры двигался своим собственным путём, отличным от пути отца и деда. Эта самостоятельность раздражала отца, но нравилась деду.

Решительные перемены внутри треугольника Виноградовых произошли после избиения Алёши. Для отца Ивана это стало не только испытанием личного мужества, но и новым религиозным опытом, толчком к более глубокому постижению Бога. Много лет ему не давал покоя один библейский сюжет. Он мучился вопросом, почему Авраама, уже занесшего нож над своим сыном, вдруг остановил Ангел? Какую истину, гадал отец Иван, Всевышний хотел вложить в распалённое сознание отца? И ответ приходит к нему как раз в тот момент, когда он узнаёт об избиении сына. Бог — Отец всех своих чад, и жертвоприношение сына Авраамом во славу Господа означало бы смертный приговор Бога по отношению к одному из своих сыновей. Вот почему Иван Виноградов восклицает: “Бог есть Отец с самой большой буквы!”

Отец священника, дед Николай, тоже шёл к постижению природы Абсолюта (Бога), но двигался он, отталкиваясь от языческой (ветхозаветной) пристани. Он не раз повторял сыну слова Розанова, что “Россия прогоркла в вашем Сладчайшем Иисусе”. Это следует понимать как увлечение новозаветными заповедями, утверждающими неразличимость эллина и иудея. Ветхозаветная составляющая христианства не менее важна, она открывает человеку мир его предков и призывает к ответственности за продолжение рода. Иван Виноградов “на собственной шкуре” усвоил этот опыт. Он не только ещё сильнее прикипел к сыну, но и разрушил стену обиды на отца.

Перед смертью дед Николай признался супруге в своём особом предчувствии, что “всё, что у него было святого, теперь не умрёт и будет жить” в Алёше. Он, мы верим, продолжит развивать идеи деда, и, думается, в одном из будущих разговоров с отцом признается тому, что Отец есть Бог с самой большой буквы.

* * *

Сколько себя помню, никогда в интонации её голоса не было тени упрёка или возмущения... Всегда тактично-певучее, с одним и тем же подтекстом: переживаю, скучаю, люблю.

В. Чугунов “Провинциальный апокалипсис”

Книга Владимира Чугунова вышла в серии “Библиотека семейного романа”. Это обстоятельство вскрывает ещё одну важную тему романа — тему семьи. Она не является стержневой, но органично вписана в “ткань” повествования. Фрагменты семейной хроники отца Ивана — лучшие в романе с художественной точки зрения. В сущности, это отдельные рассказы, умело встроенные в канву судебно-полицейских разбирательств. Они так продуманно помещены в текст, что логическое и образное полушария читателя включаются попеременно, и, как результат, книга читается и с интересом, и без напряжения.

Возьмём, к примеру, рассказ о набожной бабушке Василисе Егоровне, ходившей в церковь и читавшей толстые религиозные книги. Вера в Бога — её отрада, но в стране царит атеизм. Сын ещё школьником утащил вместе с другом Божьи книги и сжёг их в овраге. Дочь, вышедшая замуж за коммуниста и руководителя серьёзного масштаба, запрещает приобщать внука к религии. Но только бабушка Василиса знает какую-то высшую, глубинную правду. Вот уж чья вера не прогоркла в сладких речах, она идёт из народной толщи, из тьмы древнейших времён, вот почему бабушка не только молится на Библии, но и крестит корову, и читает “Богородицу” над огурцами. Внука она наставляла: “Ты его (отца. — А. А.) слушай, с ним не спорь, а в Бога про себя верь”. Вот и напророчила — стал её внук священником.

Отозвалась бабушкина вера и в сердце внучки Лены, сестры Ивана, принявшей монашеский постриг. История её житейских испытаний — отдельная линия романа: здесь и гибель возлюбленного в Афганистане, и попытка создать семью с другим человеком, смерть ребёнка во время родов и годы жизни при монастыре в качестве простой послушницы. Стальной характер, который будет, быть может, покрепче бабушкиного.

Автор романа с любовью описывает дорогих ему женщин. В эпитафю вынесены слова отца Ивана о своей жене Кате. Многие ли из мужчин смогут сказать подобное о своей спутнице жизни? Или по-другому: многие ли женщины ведут себя таким образом, чтобы их мужья смогли написать такое? Ведь сама по себе семья Виноградовых — отнюдь не идеальная, в ней есть свои неурядицы. Но Чугунов показывает, как их можно победить взаимопониманием, терпением и любовью даже в случае серьёзной беды. Читайте “Провинциальный апокалипсис”.